

ПОЛНОС КАПИТАНА СКОТТА

Богдан
Сушинский

секретный фарватер

Богдан Иванович Сушинский

Полюс капитана Скотта

Серия «Секретный фарватер (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654122
Полюс капитана Скотта: роман : Вече; Москва; 2016
ISBN 978-5-4444-3372-0, 978-5-4444-7968-1

Аннотация

Новый остросюжетный роман известного писателя Богдана Сушинского посвящен величественному и трагическому событию в истории цивилизации – походу в 1911–1912 гг. английского полярного исследователя капитана Роберта Скотта к Южному полюсу Земли. Восхождение к полярной вершине планеты превратилось не только в гибельную борьбу с природными условиями Антарктиды, но и в не менее губительное соперничество за лавры первооткрывателя. Как известно, в конечном итоге в антарктической гонке победил легендарный норвежский исследователь Руал Амундсен. Однако и поныне подробности и обстоятельства этих событий укрыты завесой тайны, а путевые дневники полярников хранятся под грифом «секретно»...

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	13
3	22
4	29
5	36
6	46
7	61
8	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Богдан Иванович Сушинский Полюс капитана Скотта

© Сушинский Б. И., 2015

© ООО «Издательство „Вече“», 2015

Часть первая

Хроника полярного странника

Нигде природа не преподносит нам столь жестокие уроки жизни, как на безжизненных полях Антарктиды.

Автор

1

Пробиваясь сквозь ледовое поле, парусник медленно, с какой-то суровой величественностью, входил в чистые воды залива, в котором все поражало своей призрачной обманчивостью: и изрезанная небольшими фьордами береговая линия, которая на самом деле была сотворена из почерневшего под летним антарктическим солнцем пакового льда; и прибрежные скалы, каждая из которых в любую минуту могла переместиться или обрушиться на глазах у изумленных странников, поскольку в действительности была всего лишь айсбергом...

И только стайка императорских пингвинов, напоминавшая собрание аристократического «Английского клуба», невозмутимо представляла перед ними во всей своей экзотической реальности, блистая на предзакатном солнце безуко-

ризенностью своих черных «смокинг» и искристой белизной накрахмаленных снежной пылью «рубашек».

Когда, буквально у подножия айсберга, барк «Терра Нова» все-таки сумел развернуться правым бортом к «причалу», нацеливаясь на видневшийся в восточной оконечности гавани ледовый канал, пингвинья публика с истинно королевской сдержанностью поприветствовала команду на своем клокочущем гортанном наречии.

– Похоже, эти «полярные чиновники» действительно кое-что смыслят в мореходном искусстве, – проворчал командир судна Эдвард Эванс, опуская бинокль, которым вот уже в течение десяти минут настойчиво обшаривал окрестное побережье в поисках хоть какого-то выхода из очередной ледовой западни.

– Во всяком случае, они ведут себя, как подобает джентльменам, – признал начальник экспедиции Роберт Скотт, – хотя все еще не понимают, кто мы такие и какого дьявола вторгаемся в их владения.

При своем невзрачном росте и стройной комплекции, он казался рядом с рослым, плечистым лейтенантом военно-морского флота Эвансом случайно оказавшимся на капитанском мостике юнгой, поскольку даже полярная меховая куртка не придавала его фигуре сколько-нибудь заметной солидности. И лишь холодный, волевой взгляд этого капитана первого ранга¹, под которым поживался не один прожжен-

¹ Напоминаю, что чин капитана первого ранга военно-морского флота соответ-

ный «морской волк», да еще непроницаемое, застывшее выражение утонченно-«римского», но уже испещренного морщинами, обожженного полярными ветрами лица свидетельствовали, что экспедиция находится во власти человека, хорошо знающего цену подобным морским «прогулкам». Как, впрочем, и цену жестоким красотам Антарктики.

– Не прикажете ли пригласить на борт местного лоцмана, сэр? – подыграл ему стоявший за спинами капитанов штурман Гарри Пеннел.

– Самое время, – Скотт с интересом наблюдал за тем, как пингвин-вожак, державшийся все это время впереди стаи, у самой кромки воды, что-то недовольно пророкотал и важно последовал по ледовому припаю вслед за судном, увлекая за собой остальных «встречающих». Поведение этих обитателей ледового континента настолько выразительно поддавалось человеческому толкованию, что Скотт невольно увлекся им. – А заодно пригласите и представителя местной власти.

– По-моему, господин, который держится впереди толпы, явно смахивает на генерал-губернатора этой колонии, – заметил Пеннел. – И настроен, судя по всему, решительно.

Все, кто пребывал в это время на капитанском мостике и рядом с ним, сдержанно улыбнулись.

– Что там показывают ваши наблюдения, лейтенант? – обратился начальник экспедиции к Пеннелу.

– Шестьдесят градусов одна минута южной широты и сто семьдесят восемь градусов двадцать девять минут западной долготы, сэр, – доложил тот. – Если открывающийся в западной части этого несуществующего залива канал выведет нас на чистую воду, но при этом не заставит уйти на северо-восток, то не исключено, что к утру мы все-таки окажемся в районе, при котором на дальнем правом траверзе² будет виден мыс Крозье.

– То есть, таким образом, мы войдем в море Росса, – пропыхтел сигарой Скотт.

– Что совершенно справедливо, сэр, – ответил штурман фразой, которой обычно отвечал на вопросы любого участника экспедиции.

Капитан вновь обратил свой взор на берег и, по привычке, принялся что-то бормотать себе под нос. Поначалу все, кто не ведал об этой «деликатной странности» капитана, пытались прислушиваться к его бормотанию, переспрашивать, уточнять у него или друг у друга...

Понятно, что Скотту это порядком надоело, и однажды, еще в порту, не выдержав, он громогласно, на всю палубу, объявил: «Довожу до вашего сведения, господа, что все свои сокровенные мысли я доверяю только собственной сигаре. И то лишь потому, что знаю: все, что будет мной произнесено,

² Траверз – направление, перпендикулярное курсу судна. Иметь на правом траверзе мыс, гавань или маяк – значит иметь (видеть) их справа по борту, перпендикулярно курсу судна.

тут же испепелится в ее пламени! Поэтому впредь в мои беседы с сигарой прошу не вмешиваться!»

Расспросов после этого стало меньше, но даже негромкое обращение к себе капитана некоторые хитрецы пытались списывать на его ворчание и объяснять его стремлением «поговорить с собственной сигарой». Однако в эти минуты он действительно беседовал только со своей сигарой, хотя всем присутствующим хотелось бы знать, о чем они там воркуют.

Кстати, о сигаре... После экспедиции на «Дискавери»³ капитан долго отучал себя от «пиратской», как называла ее Кетлин, трубки, переходя на джентльменскую сигару. Результаты стараний жены сказывались до сих пор: даже на полубледенелой палубе судна он появлялся с неизменной сигарой во рту, противопоставляя себя всем остальным, явно «пиратствующим», офицерам.

– Я к тому, господа, – повысил голос капитан, вынув на какое-то время сигару изо рта, – что вхождение в море Росса как раз и станет нашим официальным вхождением в прибрежные воды Антарктиды. Не забудьте уведомить об этом команду, штурман.

– Понимаю: «вхождение в Антарктиду» должно стать та-

³ Имеется в виду Британская национальная антарктическая экспедиция под руководством Роберта Скотта в 1901–1904 годах. В ходе неё английские полярники проводили научные исследования на территориях Антарктиды, известных как Земля Виктории и Земля Эдуарда VII, а также на западных отрогах Трансантарктического хребта. На основе своих дневниковых заметок Скотт описал эту экспедицию в очерковой книге «Путешествие на „Дискавери“».

кой же морской традицией, как и пересечение экватора.

– Только еще более торжественной.

– Позволю себе напомнить, сэр, что в данной экспедиции «вхождение» совпадет с Рождеством, которое нам предстоит встречать уже завтра.

– Черти б вас исполосовали, лейтенант! – встрепнулся Эванс, на минутку отрываясь от бинокля. – Что же вы до сих пор молчали о праздновании?! Коку об этом событии уже напомнили?

– О Рождестве я только что напомнил вашему первому помощнику, лейтенанту Кемпбеллу, сэр. Сейчас они с коком Клиссальдом и буфетчиком Хупером колдуют над подбором продуктов и над праздничным меню. В которое, полагаю, будет включено мясо добытого вами накануне тюленя, сэр.

– Обычно это не прибавляет мне аппетита.

– А ведь прекрасный был выстрел, смею заметить; такому позавидовал бы любой охотник.

– Рождество в Антарктиде, в разгар антарктического лета! – удивленно повел подбородком командир барка, не обращая внимания на лестный отзыв штурмана по поводу его меткости.

– Смею заметить, такие рождественские каникулы достаются на этой планете не каждому. И потом...

Он хотел сказать еще что-то, но в это время раздался крик матроса, сидевшего на грот-мачте⁴, в «вороньем гнезде» на-

⁴ Грот-мачтой именуют самую высокую из мачт парусника. На трехмачтовом

вигатора:

– Канал, к которому мы приближаемся, длится около мили, сэр! Лед мелкий и подвижный! За каналом вижу чистую воду! Много чистой воды, сэр!

– Неужели мы действительно когда-нибудь выберемся из этой ледовой трясины?! – усомнился командир «Терра Новы». – Уже вторую неделю мы попадаем из одной ледовой западни в другую, еще более безутешную.

– Что совершенно справедливо, сэр, – со свойственной ему невозмутимостью обронил Пеннел.

– В Антарктиду, джентльмены, приходят не для того, чтобы возмущаться её бытием, – возразил Скотт, – а для того, чтобы познавать, восхищаться и благодарить. Уже хотя бы за то благодарить, что мы с вами все еще стоим на мостике судна, а не лежим на дне или не скитаемся по льдинам как полярные странники.

– Не знаю, стоит ли она благодарения, – решительно пожал плечами Эванс. – В моем восприятии Антарктида по-прежнему предстает «мертвой землей мертвых».

– «Мертвой землей мертвых»?! – удивленно передернул подбородком Скотт.

– Вот именно, – отрубил командир судна. В последнее время он вел себя так, словно считал появление своего ко-

судне она, как правило, бывает средней. Соответственно фок-мачтой называют носовую, а бизань-мачтой – кормовую мачты. На четырехпарусном судне за фок-мачтой следуют первая, затем вторая грот-мачты.

рабля в антарктических водах неким недоразумением: зачем переться в это скопление льдов, если вокруг целые океаны «открытой» воды?! И мысленно винил в этом Скотта.

И если начальник экспедиции до сих пор не сделал ему замечания, то лишь потому, что понимал: не время выяснять отношения, тем более – с командиром судна. Не та ситуация. Поэтому он только пожал плечами и пробубнил себе под нос... Но явно обращаясь не к сигаре...

– «Мертвая земля мертвых». Никогда раньше подобного определения слышать не приходилось. А что, в нем есть нечто такое... От «философии жизни и смерти».

В ледовый канал они входили словно в берега извилистой реки с заснеженными холмистыми берегами. Может быть, поэтому капитану Скотту вспомнились берега Темзы, заполненные толпами людей, приветствовавших их «Терра Нову»; расцвеченные мачты судов, провожавших полярников протяжными гудками, и множество яхт и шлюпок, которые, поражая цветами и формами своих парусов, составляли поистине королевский эскорт.

– Тебе не кажется, что они встречают нас как триумфаторов? – нежно прикоснулась к его руке Кетлин. До сих пор она держалась как бы на расстоянии, чтобы не затенять своим присутствием «маленькую фигуру великого первооткрывателя», как однажды отозвалась о своем супруге.

– Увы, пока что они всего лишь с ликованием провожают нас в экспедицию, – с какой-то затаенной, почти мистической грустью в голосе произнес Скотт.

– Но в экспедицию, о которой ты столько мечтал! – напомнила ему супруга. – Чего тебе еще желать?

– Есть одно желание, – с грустной лукавинкой во взгляде произнес капитан. – Хотелось бы, чтобы с таким же ликованием встречали. Или хотя бы просто... встречали; причем такими же, вполне здоровыми, стоящими на палубе...

– Эй-эй, великий мореплаватель Скотт! – с улыбкой на

устах и явно ребячась, подергала его за руку Кетлин. – С подобными настроениями в море не выходят! Это вам любой морской волк скажет. И запомните мои слова, адмирал двух океанов: после покорения Южного полюса встречать вас выйдет весь Лондон, вся Британия.

Скотт попытался так же подбадривающе улыбнуться жене, однако улыбка получилась столь же наигранной, как и ее предсказание. От Роберта не скрылось, что весь прошлый вечер, пока он занимался деловыми письмами и прочими бумагами, Кетлин буквально металась по своей комнате, а ночью, отвернувшись, плакала, пытаясь скрыть при этом свои слезы. И хотя капитан напомнил жене, что завтра они всего лишь будут участвовать в официальных проводах судна, после которых «Терра Нова» зайдет в порт Гринхайд, откуда они вдвоем вернутся в Лондон, чтобы вновь взойти на борт лишь через несколько дней, – ее это не успокоило.

Утром, пока он брился, Кетлин горячечно набрасывала на альбомном листе его профиль, хотя – Роберт знал это – из подобных набросков уже можно было бы создавать целую галерею; а затем произнесла вслух то, что ни разу не решалась произносить ни до, ни после этого случая:

– Отменить экспедицию теперь уже вряд ли возможно, это я понимаю. Но подумай, стоит ли тебе идти к самому полюсу.

– Вот как?! – непонимающе уставился на нее капитан.

– Я хотела сказать: «Стоит ли идти к нему именно тебе?».

В любом случае эта экспедиция так и останется в памяти на-

учного мира, как «экспедиция Скотта». Ты имеешь на это право, поскольку достаточно рисковал для этого своей жизнью. Да и здесь, в Англии, достаточно много усилий приложил, чтобы экспедиция состоялась.

– Мне знакомо ваше умонастроение, леди Кетлин, – возражая, он всегда обращался к ней только так: «леди Кетлин». Так у них повелось еще со времен предсвадебных встреч. – Но если бы я не намерен был достичь полюса, то вообще не затевал бы ни этот поход, ни даже подготовку к нему. Устыдитесь своей минутной слабости, жена капитана первого ранга.

– Возможно, во мне бунтует сугубо женское предчувствие, – извиняющимся тоном молвила Кетлин. – Однако это уже не настроение, а... предчувствие. Подобные страхи, увы, часто сбываются.

– Если бы древние англосаксы руководствовались предчувствиями своих жен, мы не имели бы не только заморских территорий, но и самой Британии, – с суровым спокойствием парировал Роберт.

– Ответ, достойный истинного британца, сэр, – покорно признала Кетлин, однако глаза ее суше от этого не стали.

Уже по пути из Новой Зеландии к ледовому материку Скотт не раз сожалел и о том, что слишком мало времени проводил в те прощальные дни с женой и сынишкой, и о том, что был с ней по-джентльменски немногословным и по-английски чопорным.

Кетлин, конечно, видела, сколько сил и времени отнимали у него бесконечные хлопоты по сбору средств, которых до последних дней катастрофически не хватало, а также официальные встречи да бесконечные выступления и переговоры. Однако вся эта суэта могла служить капитану оправданием только перед «леди Кетлин», но не... перед самим собой.

К ее чести, больше к своим предчувствиям Кетлин не обращалась. А в те дни, которые им обоим оставалось провести в столице, еще и всячески помогала ему советами. Как это было, например, во время переговоров по поводу контракта с агентством «Сентрал ньюс эдженси»⁵ о закреплении за ним исключительного права на освещение экспедиции, а также права последующей передачи этой информации по телеграфу редакциям различных газет и журналов. Или еще более трудных переговоров с редакцией газеты «Дейли миррор», попросившей у начальника экспедиции исключительного права на публикацию всех связанных с ней фотоснимков и кинохроники.

И даже пожурила Роберта, когда во время прощального делового обеда, на который сошлись потенциальные меценаты, он опрометчиво, как считала «леди Кетлин», заявил, что не имеет такой твердой уверенности в успехе полярной экспедиции, какую высказывают в эти дни многие английские газеты.

⁵ «Сентрал ньюс эдженси» – британское «Центральное агентство новостей», с которым Роберт Скотт действительно заключил указанное соглашение.

– Поймите, мой великий мореплаватель Скотт, – почти осуждающе произнесла она, – что истинная уверенность в неминуемом покорении полюса должна исходить от вас, и, прежде всего, от вас. Поэтому какие-либо сомнения здесь не уместны.

– Но они возникают. Если бы мы не были так стеснены финансово, мы значительно лучше подготовились бы к нашей одиссее. Особенно это касается подготовки судна, от состояния которого зависит успех всего первого этапа экспедиции. Взгляни хотя бы на это, – положил он на стол, за которым Кетлин завершала работу над проектом своей очередной скульптуры, три страницы, на коих капитан «Терра Новы» Эдвард Эванс доказывал острейшую потребность команды в краске, парусине, смоле, гвоздях, досках; во множестве других товаров и инструментов.

Кетлин с самым серьезным выражением лица ознакомилась с заявкой капитана, отодвинула ее и строго сказала:

– Все эти неурядицы должны волновать только Эванса и вас, мой великий мореплаватель Скотт. Но никак не романтиков из Королевского географического общества или тех промышленников, которые от щедрот своих подают вам милостыню с усеянного чеками финансистского стола.

– Именно так, «милостыню», признаю, – проворчал Роберт.

– Вы же всегда должны помнить резюме президента общества майора Леонарда Дарвина, высказанное им сегодня во

время прощального завтрака с вами: «Достаточно нескольких минут разговора с капитаном Скоттом или с кем-либо из его сотрудников, чтобы убедиться, что они полны решимости добиться своего или погибнуть. Вот он каков – дух этой антарктической экспедиции!»

– Вы правы, леди Кетлин, именно в таком духе он и высказался, – задумчиво признал Роберт.

– Я даже знаю, что ты записал эти слова в свой дневник, чтобы затем использовать в очередной книге, но их еще следует запомнить и осознать. Хотя, признаться, сам этот девиз: «Добиться своего или погибнуть» меня не очень-то вдохновляет. Особенно своей второй частью.

– Мне куда больше запомнился его спич о том, что в ходе подготовки к экспедиции капитану первого ранга Скотту пришлось действовать как моряку, купцу, исследователю, администратору, вербовщику, а главное, – как нищему, везде, где только можно, выпрашивающему подаяние. Он конечно же прав, да только лично я с таким положением не согласен, ибо не подобает Великой Британии подобным образом относиться к походу, который она официально назвала «Британской антарктической экспедицией»; не к лицу ей это, не по-джентльменски все это выглядит. К тому же меня очень тревожит финансовое положение большинства семей тех, кто намерен подарить империи целый континент. Пусть даже ледовый.

– А тут еще вмешался этот трагический случай со смертью

короля Эдуарда, – поддержала его Кетлин, – которая сильно отвлекла внимание англичан от твоей экспедиции, как и вызванный этим национальный траур. Как бы мы ни истолковывали причину его кончины, в любом случае смерть короля Британии накануне британской экспедиции к Южному полюсу может восприниматься лишь, как очень плохая примета. Оч-чень плохая...

– Что-то я не припоминаю ее среди древних морских примет или примет полярников, – благодушно обронил Скотт. – Всего лишь смерть очередного короля – только и всего.

– Очевидно, потому и не припоминаешь, что короли, как правило, умирают не так часто, как моряки и полярники.

– Поразительно точное наблюдение, леди Кетлин, – невозмутимо признал Скотт.

Кетлин давно заметила, что его умение шутить, язвить и возмущаться, совершенно не меняя при этом ни выражения лица, ни интонации, способно было поразить не только джентльменов «старой кембриджской закалки», но и превосходивших самих себя в невозмутимости британских иезуитов.

– Поэтому просьба к вам, мой великий мореплаватель, – не позволила выбить себя из седла супруга, – даже если вам и не удастся достичь своей антарктической цели, окажите любезность: не торопитесь умирать! По отношению ко мне ваша гибель – это не по-джентльменски.

Однако по-настоящему Кетлин восприняла упрек мужа в

адрес империи лишь после того, как услышала его речь на собрании членов Королевского географического общества. На самом взлете своей эмоциональности он вдруг сказал: «Я полагаю, леди и джентльмены, что стремление достигнуть точки земной поверхности, на которую еще не ступала нога человека; пункта, которого не видел человеческий глаз, – уже само по себе заслуживает похвалы. А уж когда речь идет о точке, столько лет волновавшей воображение цивилизованного мира и занимающей единственное в своем роде положение географического полюса Земли, – достижение ее вообще перестает относиться к области чувств и перерастает в нечто большее, нежели обычный спортивный интерес. Оно вызывает к нашей, британской национальной гордости и к нашим великим традициям.

Именно поиски этой заветной точки становятся убедительным доказательством того, что народ наш по-прежнему способен преодолевать трудности, не пасует перед ними и, как и прежде, остается в авангарде прогресса»⁶.

Так вот, зная, с какими трудностями сопряжена подготовка экспедиции, Кетлин мгновенно уловила в словах мужа сомнение в том, что это «взывание к британской национальной гордости» и к великим британским традициям находит надлежащий отзыв в сердцах уже хотя бы тех британцев, от

⁶ Здесь интерпретируется фрагмент речи, которую капитан первого ранга Роберт Скотт действительно произнес перед своей экспедицией на собрании Королевского географического общества Британии.

которых напрямую зависит успех антарктического похода. И была недалеко от истины. Как недалеко была от истины и в том случае, когда усомнилась, что британская нация все еще находится «в авангарде прогресса».

– Мы уже прошли около мили, – вырвал Скотта из потока воспоминаний голос Эванса, – однако впереди все еще видны ледяные поля.

– К ним пора привыкать, лейтенант, – спокойно ответил Скотт. – Мы ведь с вами стремились в Антарктиду, джентльмены? Тогда в чем дело? Вот она – перед вами!

Предзакатные цвета Антарктики!.. Они поражали Скотта своим непостижимым сочетанием и контрастной яркостью, очаровывали игрой оттенков и нереальностью ледовых силуэтов. Вот и теперь... Слегка заретушированное синевой багровое небо малиновыми переливами отражалось в черных, едва просветленных ледяных озерцах; айсберги приобретали какие-то совершенно немыслимые очертания, представляя в облике то величественных, хотя и полуразрушенных, замков, то полузатонувших, но все еще остающихся на плаву кораблей. А ледовые поля между ними искрились всем мыслимым соцветием, словно огромные, заснеженные россыпи алмазов.

Всякий раз, когда экспедиционный фотограф Герберт Понтинг порывался увековечить всю эту красоту на фотопленку или на кадры кинохроники, Скотт искренне сочувствовал ему, поскольку порождаемые его аппаратами черно-белые картинки не способны были передать и сотой доли того величия, которое окружало в эти дни полярников.

Впрочем, вся эта неистовая красота ледового поднебесья была обманчивой, а мнимое спокойствие моря, как всегда, оказывалось коварным. Редкие дни солнечного благоденствия неожиданно, причем в самый неподходящий момент, прерывались то ливнями, то снежными буранами; а безмолв-

ная зыбь открытой воды вдруг взрывалась штормовым ревом ветра и мощными накатами волн.

Как бы там ни было, а надежды начальника экспедиции на то, что к летнему полярному Рождеству «Терра Нова» все же освободится из ледяных объятий Антарктики, так и не сбылись. Стоило судну вырваться из одной ледовой западни, как, после короткого прохода через очередной «канал» или белесо-черную полыню, оно оказывалось в другой, еще более угрожающей. Единственным утешением служило то, что при морозе минус два градуса по Цельсию ледовый покров станет слишком тонким, поэтому вряд ли будет способен по-настоящему угрожать крепкому корпусу «Терра Новы». Но и двигаться с приемлемой для полярников скоростью он тоже не позволял.

Тем временем каждый походный день капитана Скотта до предела был занят всевозможными бытовыми проблемами, которых всегда хватало: то с машинного отделения неожиданно доложили, что насосы засорились и трюмная вода поднялась до угрожающего уровня. И пока, стоя по шею в ледяной воде, старший кочегар Уильям Лешли пытался прочистить их, моряки и полярники спасали судно с помощью ведер. То во время шторма с верхней палубы вдруг начали срываться ящики с фуражом и керосином, а также мешки со всевозможными припасами. Самыми опасными оказались незакрепленные мешки с углем, которые, срываясь, сносили все, что оказывалось на их пути. И, чтобы спасти барк

от окончательного разорения, часть мешков попросту пришлось сбросить за борт.

А тут еще один за другим погибли два маньчжурских пони и собака, которые так пригодились бы полярникам во время их работы на ледовом материке.

Как только капитан узнал о потере, он тут же пригласил в кают-компанию, которая с первого дня плавания превратилась в штабную каюту экспедиции, своего «помощника по тягловой силе» Сесила Мирза и каюра Дмитрия Гирёва⁷.

– Каково состояние ваших хваленых ездовых собак, Мирз? – поинтересовался капитан, когда офицер и погонщик собак предстали перед ним.

Они оба знали, что к собачьим упряжкам начальник экспедиции по-прежнему относится с недоверием, полагаясь исключительно на лошадок да еще на свое «заморское чудо техники» – тройку мощных механизированных саней на гусеничном ходу. Но вместе с тем понимали, что пристрастие

⁷ Дмитрий Гирёв (в дневниках Скотта – Dimitri Geroff, в некоторых отечественных изданиях – Горев, 1889–1932). Единственный русский участник экспедиции Скотта. Незаконнорожденный сын ссыльной каторжанки Евдокии Гирёвой из Пермской губернии и ссыльного каторжанина Георгия Сальникова из Саратова (брак каторжных в Российской империи не регистрировался, дети считались незаконнорожденными и фамилии им давались по фамилии матери). После смерти матери жил с отцом в Николаевске-на-Амуре, окончил церковно-приходское училище и в качестве каюра (погонщика собачьих упряжек) служил на почтовом тракте Николаевск – остров Сахалин. Помощник Скотта, английский офицер, путешественник Сесил Мирз (1877–1937), нанял его для работы в экспедиции, закупив при этом на Дальнем Востоке 33 ездовые собаки и шесть разнотипных нарт.

капитана к своим миниатюрным лошадкам да к мотосаням ответственности за судьбу собак с них не снимает.

– Лайки плохо переносят это путешествие, сэр, – мрачно ответил лейтенант⁸.

– У меня сложилось такое же впечатление, – проворчал Скотт.

– Животные явно не приспособлены к жизни на судне и к штормовым переходам, господин полковник флота, это очевидно.

Похоже, Мирз никак не мог смириться с тем, что офицера, чей чин соответствует чину сухопутного полковника, на флоте, а значит, и здесь, в экспедиции, организованной военными, именуют «капитаном». Теперь, когда Скотт представлял перед полярниками и моряками без мундира, такое обращение к нему – «полковник флота» – одного из офицеров напоминало всем остальным о его высоком флотском чине. Тем более что рядом со Скоттом были еще капитан (командир) судна Эванс и кавалерийский капитан Отс.

Наверное, поэтому ни одного замечания Мирзу он так и не сделал, а все остальные офицеры постепенно перенимали эту форму обращения.

– Одного мы уже потеряли. Как ведут себя остальные? Ка-

⁸ Лейтенант Сесил Мирз был ответственным за сохранность собак и за работу собачьих упряжек, а капитан драгунского полка (в романе, по русской традиции, он предстает в чине кавалерийского капитана, то есть ротмистра) Лоуренс Отс (в некоторых публикациях – Оутс) отвечал за сохранность маньчжурских пони и за работу их упряжек.

ково их общее состояние?

– Такое же, как и большинства людей на этом судне, после всех пережитых ими штормов. Не считая, конечно, нескольких наиболее опытных моряков.

– Благодарю за уточнение, – сквозь зубы процедил Скотт.

– Но как только собаки окажутся на земле, в снегах, сразу же почувствуют себя в родной стихии, – заверил его Дмитрий, и капитан обратил внимание, что английский язык этого русского стал значительно чище и непринужденнее⁹. – Но пока что большинство из них терпят лишения от холода, поскольку находятся на мешках и просто на открытой палубе...

– От холода? – прервал его начальник экспедиции. – Но ведь вы уверяли, что они выдерживают сорокаградусные морозы.

– И пятидесятиградусные тоже. Но при сухом морозе и сухой шерсти. А здесь они страдают оттого, что постоянно мокрые. Мы закупили собак гиляцкой породы, сэр, которые в течение столетий используются на Дальнем Востоке не только гиляками¹⁰, но всеми уважающими себя русскими каюрами. В Антарктиде они не подведут.

– Но я слышал, что лучший из ваших псов тоже заболел.

– Качка и холодная морская купель едва не доконали это-

⁹ На быстрое овладение Дмитрием английским, а также на его сообразительность и трудолюбие, Скотт указывал в своем дневнике.

¹⁰ Гиляки – русское, теперь уже прежнее, название дальневосточной народности нивхов, проживающей в низовьях Амура и на острове Сахалин.

го пса, он отказывался от еды и, кажется, смирился с гибелью. Но я закидал его в сено, где за сутки он ожил, отогрелся и теперь уже ест, как все. Еще одного пса смыло волной за борт, но, к счастью, следующая волна вернула его на палубу. Все мы очень удивились такому странному спасению, поэтому дружно выхаживаем этого пса.

Скотт поднялся из-за стола, медленно прошелся вдоль него и, остановившись напротив каюра, с иронической улыбкой спросил:

– Если бы вам, господин Гирёв, представилась возможность одному дойти на нартах до полюса, вы решились бы?

– Между Сахалином и Амуром я намотал столько миль, что хватило бы на путь от Южного полюса до Северного, – спокойно заметил каюр. – Дайте мне одного попутчика – и я готов выступить.

В течение какого-то времени Скотт удивленно всматривался в исполосованное морщинами лицо каюра, а затем без какой-либо иронии поинтересовался:

– И каким же видится вам этот поход? Как вы организовали бы его?

– От последнего склада, заложенного вспомогательной группой, мы уйдем с двумя нартами, груженными провизией и кормом для ездовых, да еще с десятком запасных собак, – каюр произносил это с такой твердостью, словно вопрос о его личном походе к полюсу уже был делом решенным. – Вернемся на одних нартах, пустив два с лишним десятка собак

на корм и собственное пропитание.

– Э, да вы, оказывается, уже все обдумали?! И даже выработали свой план покорения полюса.

– Не обдумавши все как следует, на такое дело идти не стоит, – очевидно, забывшись, по-русски ответил Дмитрий, но Сесил сразу же перевел его слова. – У нас, у сахалинских каюров, не зря говорят, что «Ледовый тракт только потому и существует, что исправно платит дань смерти».

Выслушав перевод этих слов, Скотт попросил лейтенанта повторить их и только потом согласно кивнул.

– Наверное, так оно на самом деле и происходит. Вы, простой каюр, уверены, что, получив необходимые инструменты, сумели бы обнаружить полюс, точнее, установить его местонахождение по астрономическим наблюдениям?

– Не уверен, – продолжал переводить его ответы Мирз. – Особенно сомневаюсь в том, что астрономическим определениям простого русского каюра поверили бы в Англии. Полюс – это ведь не верстовой столб на почтовом тракте, а черт знает что и чем помеченное. Поэтому-то и спутник мой должен быть человеком, способным определить, где именно этот пуп земли находится. Это все, что от него требуется, а уж я по компасу вести буду столько, сколько понадобится.

– Где вы нашли этого русского, Мирз? – едва заметно улыбнулся Скотт.

– Известно где – в России. По-моему, неплохой, знающий свое дело каюр.

– Разве не чувствуете, как он опасен? Того и гляди, сам рванет к полюсу, опережая нас.

– Он и в самом деле опытный каюр. Снежная пустыня для него столь же привычна, как для нас – английские лужайки.

– Без вас к полюсу не уйду, – тоже с улыбкой заверил ка-

питана Дмитрий Гирёв. – С вами – пожалуйста. Так что берите меня в спутники, господин полковник флота, – не ошибетесь.

Прежде чем ответить, англичанин решительно покачал головой.

– С удовольствием взял бы вас, каюр; такие люди лишними в экспедиции не бывают, но... вы ведь подданный Российской империи. Само ваше появление на полюсе тут же позволит русскому императору заявить свои претензии на него и на всю разведанную нами часть Антарктиды.

Каюр наткнулся на холодный, явно высокомерный взгляд англичанина, и так и не понял: шутит он или же всерьез опасается, что появление на полюсе русского каюра может вызвать настоящий имперский переполох.

– Если понадобится, я готов подождать вашего возвращения за полмили от полюса, – тоже всерьез произнес Гирёв, разве что глаза его по-прежнему излучали некую хитринку. – К слову, я слышал, что свои походы Амундсен проводит на собаках, приглашая с собой эскимосов, которые обычно идут впереди основной группы и строят для него снежные дома – иглу. Те самые, в которых веками спасались от пурги и морозов их предки. Если таким же способом он будет двигаться к Южному полюсу, то достигнет его, не обморозив ни одного человека. И дай-то бог, чтобы не оказался там раньше нас. Причем подданство проводников-эскимосов смущать его не станет.

– Да вы не только каюр, но и дипломат, – съязвил полковник флота.

– И, ради бога, не доверяйте тем, кто советует вам полагаться в этой ледовой пустыне на лошадей, – не придавал значения его словам Гирёв. – Веками проверено, что в снегах да во льдах на лошадь надежды нет. Уж лучше бы приказали завезти сюда ездовых оленей.

Англичане переглянулись, и Мирз виновато опустил глаза, принимая на себя вину за бестактность подчиненного. Он-то прекрасно знал, что Нансен, Шеклтон, многие другие странники полярных пустынь тоже не советовали Скотту связываться с лошадьми, которых даже вдоволь напоить в Антарктиде – и то проблема, потому что для этого надо растопить множество снега, превращая его в десятки ведер воды. И это – при отсутствии какого-либо топлива, при невозможности разводить большие костры. А как быть со многими тоннами сена и прочего корма, без которых лошадкам, пусть даже таким невзрачным и неприхотливым, как пони, не обойтись?

Для Мирза и Гирёва не было тайной, что для девятнадцати пони Скотту пришлось загрузить на судно сорок пять тонн прессованного сена, плюс еще четыре тонны «вольного» сена для корма во время морского перехода, а также одиннадцать тонн отрубей и жмыха, превратив при этом судно в конюшню и плавучий сеновал. Но главная беда заключалась в том, что кони были совершенно не приспособлены к жизни

в условиях ледовой пустыни.

И все же Роберт Скотт отдавал предпочтение именно им, своим лошадам, питая при этом какое-то странное предубеждение к собакам и каюрам.

– Собачьи упряжки, лейтенант Мирз, без дела тоже не останутся, – уловил капитан озабоченность «ездовиков». – Поэтому тщательно осмотрите всех собак и продумайте, что можно сделать, чтобы все они сошли на берег пригодными для работы.

– Так или иначе, а к полюсу мы придем первыми, господин полковник флота, – попытался тот сгладить простодушную прямоthu каюра. – Я в этом уверен.

– Мне бы вашу уверенность, лейтенант, – неожиданно парировал Скотт. – Многим я пожертвовал бы, чтобы проникнуться ею.

Ну а что касается любви к пони, то Роберт никогда и не скрывал своей увлеченности этими лошадками. Той увлеченности, которая сформировалась в его сознании еще в детские годы, когда, после подготовительных занятий с гувернанткой, он, в возрасте восьми лет, поступил в школу в Сток-Дэмэреле. Вот тогда-то ему и пришлось из загородного поместья Аутлендс каждый день добираться до школы на подаренном ему отцом пони Белло – спокойной, покладистой лошадке, словно бы понимавшей, что неопытный наездник ее – еще совсем ребенок.

Впрочем, этот пони запомнился Роберту так же хорошо,

как и старая, вечно протекавшая шлюпка, «обитавшая» у маленького причала их родового озерца. Возвратясь из школы, Роберт тут же старался пересесть с «пони-рыцарского» седла Белло на эту шлюпку, которую в фантазиях своих возводил в ранг «императорской каравеллы», чтобы отправиться в очередное плавание по «бурному, наполненному пиратскими бригами океану». Увлечение этой «императорской каравеллой» как раз и подвигло его на поступление в Подготовительное военно-морское училище имени Форстера, расположенное в недалеком припортовом Стаббингтон-хаусе, благодеествовавшем на окраине Девенпорта.

Увы, к тому времени его отец, досточтимый Джон Скотт, уже отрекся от карьеры девенпортского судьи, разочаровался в общественной должности председателя местной Ассоциации консерваторов, разуверился в своей способности вывести в число преуспевающих свой пивоваренный завод (один из нескольких, существовавших к тому времени в Плимуте)...

И все во имя того, чтобы всецело предаться очередному сомнительному увлечению – ухаживанием за своим большим аутлендским садом. Роберт всегда считал это увлечение недостойным сына моряка и вообще джентльмена, однако никогда не решался высказывать отцу своего отношения к его странному занятию. Кто знает, говорил себе будущий покоритель Антарктики, вдруг в неприкаянной судьбе отца умирает великий садовод?!

Другое дело, что самого Кони, как называли в многодетной семье Скоттов старшего сына владельца поместья, ни садоводство, ни пивоварение не привлекали. Да и потребность длительное время находиться в тихом, захолустном Аутсленде – тоже страшила. Поэтому уже в тринадцать лет он сдал вступительные экзамены, выдержал суровый конкурс и стал гардемаринном Королевского военно-морского флота, подготовка которого проходила на учебном судне «Британия», пусть и заякоренном на реке Дарт, но зато в нескольких милях от моря.

Кстати, первое, о чем ему и еще ста пятидесяти юнцам сообщил их корабельный боцман-наставник, как только они впервые построились на обветшавшей палубе учебного судна, что именно отсюда, из гавани ближайшего порта Дартмут, уходили на поиски славы и бессмертия крестоносцы короля Ричарда Львиное Сердце. Отсюда же, из залива Старт, уходили на битву с «Непобедимой испанской армадой» моряки действительно непобедимой английской королевской эскадры.

Причем оказалось, что этот боцман еще помнил другого Роберта Скотта, деда Кони, корабельного казначея. После первого же занятия по парусному делу, когда, преодолевая страх и предательскую дрожь в коленках, Кони сумел добраться до средней реи, боцман сказал ему: «Не знаю, получится ли из тебя, гардемарин Роберт Скотт, настоящий моряк, но в том, что до должности корабельного казначея ты

не снизойдешь и что умереть тебе придется не в домашней постели, да к тому же вдалеке от Англии, можешь не сомневаться».

Лишь со временем Роберт Скотт понял, почему «старый пират», как гардемарины называли между собой этого боцмана, усомнился в его карьере мореплавателя. Потому что уже знал о страшной, губительной для всякого моряка слабости Кони – неукротимой морской болезни, скрыть которую в школе гардемарин было так же невозможно, как и преодолеть её. Единственное, что оставалось укачивающемуся гардемарину – это воинственно смириться со своей болезнью и предельно приспособиться к ней. Тем не менее Скотт часто вспоминал это сомнительное пророчество Старого Пирата и в какой-то степени даже был признателен за него.

Когда полярники оставили кают-компанию, Скотт утомленно откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Если бы он был до конца откровенным с лейтенантом и его каюром, то признался бы, что по-настоящему не верит ни лошадам, ни собачьим упряжкам и уж тем более мотосаням, полагаясь исключительно на силу и выносливость своих спутников. Он не зря приказал заготовить большой набор «человеческой» упряжи, потому что уверен был: большую часть пути к полюсу и назад, к базовому лагерю, полюсной группе придется тащить санки на себе, не полагаясь при этом ни на какую другую тягловую силу.

Впрочем, думать о предстоящем походе по нехоженным ледникам и плоскогорьям «ледяного ада», как Скотт назвал во время одного из своих публичных выступлений Антарктиду, ему не хотелось. Полковнику флота вдруг вспомнилось загородное поместье генерал-губернатора Южно-Африканского Союза, только что созданного на пепелищах Англо-бурской войны британского доминиона, виконта Герберта Гладстона¹¹. «...Любезно пригласившего, – как писала одна

¹¹ Виконт Герберт Джон Гладстон (1854–1930) – бывший министр внутренних дел Великобритании (1905–1910). После объединения в мае 1910 года английских колоний Трансвааль, Капская Провинция, Натал и Оранжевая Река в единый доминион, Южно-Африканский Союз (ЮАС, ныне – Южно-Африканская Республика), был назначен его генерал-губернатором. Англо-бурская вой-

из трансваальских газет, – выдающегося полярного исследователя, капитана первого ранга Роберта Скотта и его супругу, талантливую ученицу скульптора Родена, в качестве своих личных гостей».

...Их кровать была установлена на приподнятой над землей, просторной веранде, которую полукругом охватывали источающий ароматический запах кустарник и кроны молодых пальм. Здесь, на окруженном высокой оградой подворье загородной резиденции губернатора, Роберт и Кетлин чувствовали себя обитателями земного рая, о существовании которого во всем остальном мире мало кто догадывался.

– А вам известно, какая звезда будет светить вам на полюсе, мой великий мореплаватель? – негромко, почти шепотом спросила Кетлин, когда, утомленные любовными утехами, они, устало разбросав руки, замерли посреди своего немислимо широкого ложа.

– Этого пока что не знает никто. Скорее всего, с полюса будут видны несколько созвездий, в том числе и те, которые просматриваются отсюда, с Южной Африки; или с Новой Зеландии, где нам еще только предстоит побывать.

– И все же, наверное, лучше всего там будет видна Полярная звезда, – темпераментно сжала Кетлин пальцы супруга.

– Она находится в созвездии Малой Медведицы и видна

на (1899–1902) происходила между нидерландскими колонистами-«бурами» (то есть земледельцами) и Британской империей. После победы Британии город Претория, бывшая столица бурской Республики Трансвааль, стал столицей британского доминиона Трансвааль, а затем и столицей ЮАС.

в основном в северном полушарии. Зато почти прямо над нами вырисовывается сейчас Южный Крест. Вот он, справа от нас. А еще в это время года на южном небе можно найти созвездия: Парус, Центавр, Живописец...

– Обязательно покажешь мне Живописца, все-таки родственное мне созвездие. И еще: ваша экспедиция должна внимательно изучить небо Южного полюса и, по возможности, срисовать его. Уже вижу специальную научную публикацию в каком-нибудь научном журнале под названием: «Звездная карта Южного полюса, составленная доблестным капитаном Скоттом».

– «Доблестным»?

– Тебя что-то смущает в таком определении?

– Ничего. Если только забыть, что оно возникает в современном научном издании.

– Понимаю, помпезно. Зато очень точно.

– В таком случае, одно из созвездий получит странное название, не имеющее ничего общего с мифологическими названиями большинства известных человечеству звездных скоплений – «Созвездие Кетлин».

– Какая непозволительная щедрость! – игриво восхитилась она. – Одно из моих будущих полотен из цикла «Полярные пейзажи» так и будет называться: «Созвездие Кетлин над полярным ледником Скотта».

– Вот так всегда! Ни на что более одухотворенное, нежели «Ледник Скотта», претендовать не приходится.

– Почему же? Постараюсь изваять прекрасный памятник «Покорителю Южного полюса капитану Скотту», который еще при жизни этого самого капитана будет установлен в центре Лондона. А потом еще один – в центре Кейптауна.

– Где каждый житель будет помнить, что этот памятник создан талантливым скульптором, ученицей великого Родена леди Кетлин Скотт, но мало кто будет догадываться, кому именно он посвящен и чем этот человек знаменит.

– Начинаю подозревать, что уже сейчас ревнуете меня к будущей славе, мой великий мореплаватель Скотт.

Когда в начале августа на борту судна «Саксон» они прибыли в Кейптаун, оба были уверены, что их ждет лишь небольшая передышка в одном из местных отелей. Однако дни шли за днями, а «Терра Нова» все не появлялась, и тогда капитан Скотт решил прибыть в столицу Южно-Африканского Союза, чтобы использовать дни ожидания для пропаганды своей экспедиции, а главное, для сбора средств.

И для полковника флота стало приятной неожиданностью, что, по распоряжению генерал-губернатора, ему и супруге был обеспечен бесплатный проезд по железной дороге, а в самой Претории виконт Гладстон благосклонно взял их под свою, почти родительскую опеку, выделив для жилья хорошо охраняемый загородный дом, а также обеспечив прислугой и питанием.

...Из-за ограды слышались крики испуганной кем-то птицы, затем пронзительно-визгливое вытье гиен и, наконец,

от гряды холмов, подступавших к самой вилле, донеслось грозное рычание льва. Азартный и меткий стрелок, Хеттли уже дважды предлагал капитану поохотиться вместе с ним на львов: «если ни одного из них не убьем, то хотя бы надолго отпугнем от поместья»... Однако всякий раз Роберт с извиняющейся улыбкой напоминал управляющему, что у него, как начальника экспедиции, свои, особые заботы. К тому же охота не ради пропитания, а ради забавы – хобби его никогда не считалась.

Когда следующим утром Хеттли – плечистый мулат с ярко выраженными негроидными чертами лица, но со столь же ярко выраженными взглядами британского националиста, вновь появился во флигеле Скоттов, капитан решил, что он опять станет приглашать его на «королевскую охоту». Однако тот с явной грустью в голосе сообщил, что сегодня господина капитана готовы принять у себя генерал-губернатор Герберт Гладстон и премьер-министр Союза генерал Луис Бота.

– Хотите сказать, что еще один день, проведенный мною в Претории, пройдет успешно? – спросил капитан. Он стоял у окна отведенного ему на втором этаже овального кабинета и осматривал склон ближайшего холма, подступавшего к берегам извилистой горной речушки.

Кетлин в это время занималась в своей половине флигеля утренним туалетом. Она любила понежиться в теплой ванне, погружаясь в нее до подбородка и уверяя, что это в

ней просыпаются «повадки старой ленивой бегемотихи».

– Если вы уедете отсюда, не побывав со мной на «королевской охоте», – все ваше пребывание в Южно-Африканском Союзе можно считать несостоявшимся, сэр, – почтительно склонил голову управляющий. – Хотя столичные газеты, – положил он на журнальный столик сверток изданий, – с похвалой отзываются о вашей лекции, прочитанной в столичном оперном театре, и сообщают, что вы планируете провести еще несколько подобных выступлений, используя их для сбора средств на экспедицию. Кстати, одна из них называет вас «обреченным на кочевую жизнь полярным странником».

– Вот видите, сколько дел меня ожидает здесь, не считая вашей несостоявшейся охоты, – молвил Скотт, подступая к столику с газетами. – Представляю себе, сколько легенд и охотничьих историй вы сумели бы рассказать потом в охотничьем кругу о совместной охоте на львов с антарктическим путешественником Скоттом.

– Еще бы! Это уж, как водится.

– Заранее сообщаю, что ни одну из них опровергать не стану.

– Для начала мы объявили бы вас почетным членом нашего клуба, сэр. И тогда охотничьи историйки стали бы появляться сами собой.

...Мощный носовой толчок застал Скотта в том состоянии полусна-полугрез, когда воспоминания уже воспроизводились в ослепительно ярких картинках прошедшего бытия,

переноса его в иное время, в иной мир, в иное сознание.

– Мы опять уперлись в мощное ледовое поле, сэр, – появился в кают-компании штурман Пеннел. – Командир судна просит вас подняться на мостик, чтобы совместно принять решение.

– Решение мы уже давно приняли, лейтенант, – недовольно прокряхтел капитан первого ранга, неохотно отрываясь от такого уютного кресла. – И, как мне кажется, совместное: нужно идти к Антарктиде, к полюсу.

– Есть еще одна проблема, – объяснил штурман, – уже более приятная. Сейчас в кают-компании должны накрыть праздничный рождественский стол для офицеров¹².

Оказавшись на мостике, Скотт долгое время осматривал окрестные ледовые поля в подзорную трубу, которой по-прежнему отдавал предпочтение перед биноклем, а затем приказал придерживаться юго-юго-восточного направления, а при невозможности найти выход из этого ледового плена, ложиться в дрейф.

– Иного решения я тоже не вижу, – согласился с ним командир корабля.

¹² Поскольку экспедиция была организована Адмиралтейством и основу ее членов составляли офицеры Королевского военно-морского флота, капитан первого ранга Скотт поддерживал в ней и на судне военную дисциплину. При этом команда этого гражданского судна и члены экспедиции четко делились на офицеров и неофицеров, что сказывалось на их быте и питании. Все специалисты, входившие в научную группу экспедиции, тоже числились офицерами. Таким образом, в экспедиции насчитывалось 24 офицера. И командовал судном, как вы уже заметили, не капитан, как в гражданском флоте, а командир.

– Как только накроют рождественский стол, передадите свой пост вахтенному офицеру, и я рад буду предоставить вам право второго тоста.

– Не знаю, честно говоря, стоит ли в такой ситуации затевать праздничный ужин.

– В какой «такой ситуации»? – спокойно прикурил сигару Скотт. – Вы что, действительно находите во всем этом, – обвел он подзорной трубой пространство перед собой, – нечто из ряда вон выходящее?

– Очевидно, вы правы, – мрачно согласился Эванс.

– Миллионы мужчин во всем мире сочли бы за честь посидеть сейчас с нами за рождественским столом на траверзе Антарктиды. А ведь для тех людей, в кругу которых мы сейчас окажемся, поход к ледовому континенту – это еще и свершение мечты.

– Почти равной походу к стивенсоновскому «острову сокровищ», – поддержал начальника экспедиции штурман Гарри Пеннел. – Сузу хотя бы по себе.

Скотт неожиданно замолчал. Он вообще обладал странноватой способностью умолкать в разгар любой беседы, пусть даже той, которую сам же затеял. При этом он словно бы проваливался в свою угрюмую сосредоточенность, которая еще с гардемаринских времен множество раз ставила в неловкое или двусмысленное положение не только собеседников, но и его самого. Взбодрился же лишь после того, как рядом на палубе появился лейтенант Мирз.

– Так что там ваш русский говорил по поводу полярного тракта, лейтенант Сесил? – задумчиво спросил начальник экспедиции, в очередной раз осматривая в подзорную трубу скопление появившихся прямо по курсу небольших айсбергов.

Командир «Терра Новы» и ее штурман уже давно пользовались биноклями, однако Скотт по-прежнему отдавал предпочтение подзорным трубам, закупив определенное их количество для экспедиции. С первого же походного дня офицеры обратили внимание, что, при своем небольшом росте, с подзорной трубой в руках, Скотт разительно напоминает Бонапарта, который, уже в ипостаси почетного пленника, всматривался в очертания «тюремного» острова Святой Елены. Особенно это сходство проявлялось тогда, когда «полковник флота» облачался в свою выдавшую виды походную офицерскую шинель, которую тоже зачем-то прихватил в эту экспедицию.

– ...Что всякий полярный тракт существует лишь до тех пор, пока исправно платит дань смерти. Или что-то в этом роде, – по-борцовски, словно перед выходом на ковер, повел неширокими, но мускулистыми плечами коренастый, смуглолицый Мирз, по лицу которого можно было изучать генезис не столько британцев, сколько потомков Аттилы или Тамерлана.

– А ведь в этом скрыт глубокий смысл, лейтенант. Не находите?

– Как и во всяком восточном изречении, сэр. Восточная философия пока что так же не исследована нами, европейцами, как и пространства Антарктики.

– Почему-то я все чаще обращаюсь к этому вещему высказыванию, – только теперь капитан опустил подзорную трубу и, закрыв усталые, слезящиеся на резком боковом ветру глаза, какое-то время стоял так, словно бы осматривая пространство перед собой внутренним взором. – «Пока исправно платит дань смерти...» Смахивает на мрачное пророчество. Не находите?

– Это всего лишь итог определенных размышлений, сэр, – вежливо склонил голову Мирз. – Ни в каких пророчествах русский каюр до сих пор замечен не был. Как, впрочем, и в шаманстве.

Встав из-за стола, Скотт сразу же отправился в каюту, которую делил с лейтенантом Эвансом, положил на стол свой дневник и записал: «Воскресенье, 25 декабря. Рождество. По вычислениям, $69^{\circ}5'$ южной широты, $178^{\circ}30'$ восточной долготы. Третьего дня я уже совсем надеялся, что праздник застанет нас на чистой воде, но ошибался. Нас окружает лед; низко ходят тучи и время от времени из них легкими хлопьями идет снег, затемняя собой небо; кое-где чернеют небольшие проталины. Снова нужно запастись терпением и терпением. Здесь мы, очевидно, в полной безопасности. Лед настолько тонкий, что не может сжатием навредить нам; гор поблизости нет; не обращая внимания на незавидное положение, все веселы и ждут праздничного обеда. Кают-компания украшена флагами...

...Полночь. Идет густой снег. Температура минус два градуса. Холод и сырость. Только что завершился наш веселый ужин. Стол был чудесным: суп с томатами, маленькие пирожки, рагу из пингвиньих филе, ростбиф, плум-пудинг, спаржа, шампанское, портвейн и ликёры – меню действительно праздничное. Ужин начался в шестом часу и закончился в седьмом. Затем, в течение целых пяти часов вся компания сидела за столом и во весь голос пела. Среди нас нет особых талантов, но каждый выдавал все, на что был спосо-

бен, и хоры наши оказались оглушительными...

Команда обедала в полдень, меню у нее почти то же самое, что и у нас, только вместо шампанского пиво и немного виски. Они, наверное, от души веселились...»

Закрыв дневник, Скотт уже собирался лечь, но для успокоения совести решил все же сначала взглянуть на то, что творится за бортом. В проходе он буквально столкнулся с командиром судна.

– Что там у нас по курсу, лейтенант?

– Полюньи стали встречаться чаще, сэр.

– На вашем месте я бы сообщал об этом командиру экспедиции куда более веселым голосом.

– Уверен, что к утру мы окажемся на совершенно чистой воде, сэр, – в самом деле попытался взбодрить свой тон лейтенант. – Не стоит подниматься на мостик, там холодно и сыро. Впередсмотрящие будут сменяться каждый час. На баке вешены еще два фонаря. Айсберги по курсу не наблюдаются.

Они остановились у борта. Судно двигалось самым малым ходом, но при свете фонарей было видно, как уверенно оно разрезает и крошит ледовые поля.

– Как считаете, лейтенант, что сейчас предпринимает наш Норвежец?

– После того как он объявил об этом на весь мир, ему остается только одно: упрямо, не считаясь ни с какими лишениями, идти к ледовому континенту. Не тот человек Норвежец,

чтобы отречься от своих планов.

– Я, конечно, того же мнения, лейтенант. Но все же... как некстати он появился в Антарктиде!

– Он не должен был отказываться от своей экспедиции в сторону Северного полюса и оказываться в Антарктиде, – решительно поддержал его командир корабля. – Считаю, что к такому же мнению придут все, кто будет следить за нашими антарктическими экспедициями.

– Вопрос: все ли решатся высказать подобное мнение вслух? – пессимистически проворчал Скотт. – Впрочем, если Амундсен, этот Норвежец, в самом деле окажется у полюса первым, все прочие чувства, кроме чувства национальной горечи по поводу моего поражения в этой гонке, никакого значения в Британии иметь не будут. Любой патриот Британской империи воспримет эту победу норвежской экспедиции, как унижительную научно-общественную пощечину.

Они вернулись в каюту, уселись за столик, и лейтенант налил коньяку прямо в матросские корабельные кружки.

– Предвижу, что нам и в самом деле придется устраивать антарктические гонки, призом в которых станет Южный полюс, – вернулся к прерванному разговору командир барка.

– Мне бы этого не хотелось, – решительно покачал головой полковник флота, едва пригубив кружку. – Грешно превращать столь важную научную экспедицию в спортивный забег на упряжках, в такой себе ледовый марафон.

– Если учесть, что у нас больше шансов добраться до по-

люса, чем у Норвежца, то появление соперника лишь придаст нашему походу остроты, породив к нему интерес всего цивилизованного мира.

Скотт как-то затравленно взглянул на командира судна, решительно опустошил свою кружку и еще более решительнее повел подбородком.

– Мы прибыли сюда, лейтенант, не только для того, чтобы установить на полюсе флаг империи. Нам нужно понять, с чем мы столкнулись, вторгаясь в этот ледовый континент, на эту почти безжизненную планету, на «мертвую землю мертвых». Я не хочу оставаться в истории покорения Южного полюса в качестве антарктического марафонца. Еще ни одна экспедиция мира не имела в своем составе такого контингента ученых, какой удалось сформировать мне.

– Некоторые газеты уже успели отметить это, сэр, – задумчиво цедил свой напиток Эдвард Эванс. – Если не оценить, то по крайней мере отметить.

– Поэтому наш девиз: «Никакой поспешности, никакой гонки на опережение, никакого противостояния!» Перед нами целый континент, совершенно не приспособленный для существования на нем человека и не имеющий ничего общего со всеми прочими континентами нашей планеты. Мы прибыли сюда не как гонщики, а как научная экспедиция.

Эванс добавил коньяку себе и капитану и, держа кружку на весу, какое-то время задумчиво всматривался в пламя закрепленной на борту каюты лампы.

– Вы со мной не согласны, лейтенант? – остался недоволен его молчанием Скотт.

– Дело не во мне, а в норвежце Амундсене, а потому...

– Это понятно, что в Амундсене, – с едва заметным раздражением прервал его полковник флота. – Но я стою на том, что мы – научная экспедиция, а не призовые гонщики.

– Вряд ли мы способны заставить Норвежца относиться к своей экспедиции с той же «научной щепетильностью», с каковой вы неизменно относитесь к своей, сэр.

– Насколько мне известно, Амундсен – человек азартный. И высадится на берег Антарктиды только с одной целью – во что бы то ни стало добыть самой природой выставленный приз.

– Если к такому восприятию его визита мы пока что не готовы, тогда нам лучше забыть о существовании этого джентльмена, вместе с его географическими амбициями.

– Да уж, хотелось бы забыть, – проворчал Скотт. – По крайней мере до утра.

Эванс внимательно присмотрелся к выражению лица начальника экспедиции. Теперь командир судна понимал, что до этого разговора его сбивала с толку внешняя невозмутимость «полковника флота», исходя из которой, он считал, что начальник экспедиции попросту проигнорировал публичный вызов Руала Амундсена. Оказывается, он наивно ошибался: традиционная британская невозмутимость в данном случае не срабатывала. Тень Норвежца тяготела над

Скоттом как тень Командора. Он не способен был избавиться от навязчивого облика Амундсена, который преследовал его днем и ночью, заставляя нервничать и постоянно оглядываться, как на стайера-соперника, который у самого финиша дышал ему в затылок.

Полковник флота мгновенно расшифровал его взгляд, однако никаких объяснений давать не стал. «Это не поджентльменски, – в который раз мысленно упрекнул он Амундсена, ложась в свою постель и таким образом давая Эвансу понять, что настала пора ночного отдыха. – Люди нашего круга не ведут себя так», – почти простонал он, закрывая глаза и стараясь не прислушиваться к гулу корабельного двигателя и к ледовому треску за бортом.

* * *

Впервые «тень Амундсена», этого «полярного Командора», возникла в сознании Скотта во время прощальной встречи с виконтом Гладстоном. Как и во время первой их встречи, генерал-губернатор Южной Африки был на удивление многословен, хотя и предельно корректен. Он, казалось, с поминутной точностью знал о том, как чета Скоттов проводила время в его поместье, поэтому краткий отчет об этом самого полковника флота, как и его благодарность, выслушал, не меняя выражения лица. Кстати, очень запоминающегося. Это было лицо пятидесятилетнего консерватора,

привыкшего все в этом мире воспринимать с той долей иронического цинизма, который уже бессмысленно было скрывать или хотя бы как-то смягчать, поскольку он запечатлен был в облике прожженного политика, словно в чертах ритуальной маски африканеров.

– Только вчера я беседовал с премьер-министром по поводу финансирования вашей экспедиции, – избавил он капитана первого ранга от необходимости мучительно подступать к столь щекотливой теме. – Признаюсь, это был трудный разговор, – упредил его дальнейшее расшаркивание Гладстон. – Мне сложно сказать, каковой окажется сумма ассигнований, но смею надеяться, что она окажется достойной такой великой страны, как Южно-Африканский Союз.

– Лично я в этом уверен.

Губернатор поднялся, вальяжным движением руки предоставив Скотту право оставаться в своем кресле, и несколько раз молча прошелся по кабинету.

«А ведь у самого генерал-губернатора такой уверенности пока что нет, – понял полярник. – К тому же он явно знает больше, чем говорит. Дипломат как-никак...»

– Видите ли, капитан, страна находится накануне очень трудных выборов и столь же трудного выбора своего дальнейшего пути. Единству двух белых – нидерландской и английской общин препятствует африканерский национализм буров. Притом что племена аборигенов ненавидят тех и других, и только и ждут, когда можно будет избавиться от бе-

лых пришельцев. Причем не важно, какой короны они подданные, – просто от белых. Понимая, что в Лондоне предпочитают видеть Южную Африку только в одной ипостаси – окончательно покоренной колонии.

– Или просто частью Британии, – заметил.

– В то время как в Претории формируются силы, предпочитающие идти к созданию южноафриканской империи со своим правителем, своим флагом, своей конституцией и конечно же со своими мощными вооруженными силами. Считаю, что как британский офицер, вы должны знать, что именно происходит в нашем африканском доминионе.

Скотт молча кивнул. Они сидели вдвоем у камина, который здесь, в Африке, был не столько источником тепла, сколько источником ностальгии. Кетлин в это время беседовала в одной из дворцовых комнат с супругой лорда, в которой нашла ценительницу живописи и африканских обрядов.

– Есть все основания считать, что после Англо-бурской войны и вашего появления здесь в качестве генерал-губернатора, вопрос о принадлежности Южной Африки решен навсегда, – уверенно молвил капитан. – Теперь точно так же стоит вопрос о принадлежности Антарктиды.

– Считаете, что Британия может претендовать на этот континент?

– И не просто претендовать. Я уже говорил как-то в одном из интервью, и готов повторить, что сейчас у Британской империи одна цель – завоевать Южный полюс. Нам следует

как можно скорее установить контроль над этим колоссальным ледовым континентом, который наверняка таит в себе огромные сырьевые запасы. Именно поэтому главная цель нашей экспедиции заключается в том, чтобы над полюсом взвился британский флаг¹³.

– Если вы решитесь повторить эти слова во время обеда, который готовится дать в вашу честь в Кейптауне Королевское географическое общество Южной Африки, на местных политиков и ученых это произведет хорошее впечатление¹⁴.

– Хотелось бы, чтобы это «впечатление» выразилось в конкретной финансовой помощи нашей экспедиции.

Гладстон намеревался что-то ответить, но в это время в кабинете появился его личный секретарь и сказал, что только что из Кейптауна доставлена газета, одна из публикаций которой способна заинтересовать и генерал-губернатора, и его гостя.

Оказалось, что в газете и в самом деле появилась статья о новом походе известного норвежского путешественника, капитана Руала Амундсена, который недавно отплыл из Норвегии, намереваясь на своем судне «Фрам» совершить дрейф через весь Ледовитый океан с заходом на Северный полюс.

«Слава богу, что этот чертов Норвежец устремляется к

¹³ Здесь интерпретируются реальные высказывания капитана Скотта накануне экспедиции к Южному полюсу.

¹⁴ Во время этого обеда Роберт Скотт выразился лаконичнее и немного вызывающе: «Сейчас у Британской империи одна цель – завоевать полюс! И это – главная цель нашей экспедиции».

Северному полюсу, а не к Южному, – поиграл желваками Роберт, вслушиваясь в то, о чем говорится в публикации. – Иначе пришлось бы вызывать его на своеобразную полярную дуэль».

Кстати, по важности своей журналист сравнивал это предприятие Норвежца с экспедицией капитана Скотта, который вместе со своими товарищами «направляется на Юг для завоевания полюса». И при этом замечал, что «капитан Руал Амундсен – столь же опытный и отважный исследователь полярных районов, как и Скотт».

Когда секретарь прочел эти строки, Гладстон и капитан вновь многозначительно переглянулись.

– Плохо, что экспедиция Амундсена будет проходить в те же дни, что и ваша, капитан, – проворчал генерал-губернатор. – Своим дрейфом норвежцы будут отвлекать внимание европейской общественности от вашего штурма Антарктиды. Что крайне нежелательно.

– Хорошо хоть, что Амундсен не направил свои стопы на Юг, – саркастически ухмыльнулся Скотт. – А вообще-то трудно найти разумное оправдание походу на Северный полюс после того, как там, по их скандальному утверждению, умудрились побывать американцы Роберт Пири и Фредерик Кук.

– Но вы считаете, что в принципе это возможно – рассчитать полярные течения таким образом, чтобы они занесли судно на Северный полюс?

– Не хочу оскорблять своего коллегу, но идея кажется мне совершенно бредовой. Прежде всего, нет уверенности, что под Северным полюсом находится океан, а не какой-то осколок суши. К тому же мне трудно представить, каким образом Норвежец собирается управлять своим дрейфом в могучих льдах, которые в любую минуту могут раздавить его судно как куриное яйцо. И потом, кто способен предсказать, сколько времени может продлиться такой дрейф? Я, конечно, отправлю ему телеграмму с пожеланиями успеха, но считаю этот замысел самым безумным из всех, которые когда-либо обуревали северными полярниками.

– Однако же находились горячие головы, которые собирались дрейфовать до Южного полюса, – вкрадчиво заметил губернатор. И капитану показалось, что к числу этих безумцев Гладстон причисляет и его. – Кстати, мне сказали, что между исследователями пока что нет единства в том, что же на самом деле представляет собой Антарктида – отдельный континент или объединенный льдами архипелаг?

– Вы прекрасно осведомлены о существовании проблемы, – заметил Скотт. – Напомню, что лично я намерен покорять свой полюс по ледовой пустыне, полагаясь при этом только на лыжи и санки, поэтому не уверен, что сумею развеять сомнения относительно цельности данного континента.

Свой обед Королевское географическое общество провело уже тогда, когда «Терра Нова» находилась в бухте Саймона на британской военно-морской базе близ Кейптауна. Одна-

ко к тому времени настроение Скотта было омрачено сразу несколькими причинами. Во-первых, скверной погодой, из-за чего судно опоздало с прибытием в Саймон почти на две недели, нарушив при этом график магнитных наблюдений у южного побережья Африки, довольно близко расположенного от Южного магнитного полюса¹⁵.

Мало того, что, как всякий английский флотский офицер, Скотт терпеть не мог любого отклонения его подчиненными от намеченного плана; он еще и узрел в этом скверную примету, которая немедленно подтвердилась сообщением из Претории, в котором говорилось, что правительство Южно-Африканского Союза выделило на нужды его экспедиции всего-навсего пятьсот фунтов. Понятно, что такое пожертвование показалось ему оскорбительно скудным.

На фоне имперских целей, которые Скотт декларировал во время обеда в честь офицеров экспедиции, а также на фоне приятельских отношений с генерал-губернатором Южной Африки, эта сумма представлялась ему откровенным издевательством. И ему понадобилось немало мужества, чтобы, сохраняя джентльменскую невозмутимость, публично поблагодарить премьера Луиса Боту за столь великую, прямо-таки немилосердную «щедрость».

Осознавая всю нелепость такого подхода к экспедиции,

¹⁵ Южный магнитный полюс время от времени смещается, но в то время он находился в Южном океане, вблизи антарктической Земли Адели и Берега Георга V.

имеющей важное государственное значение, генерал-губернатор Гладстон бросился рассылать «усовестительные» телеграммы мэрам всех крупных городов доминиона, и даже сам, от щедрот своих, пожертвовал пятьдесят фунтов, однако общей ситуации это уже не спасало. Скотту пришлось лишь оскорбленно сжать зубы, когда в день отхода судна из Кейптауна ему доложили, что общая сумма спровоцированных его выступлениями и телеграммами губернатора Южной Африки пожертвований достигла всего лишь мизерной величины в триста пятьдесят восемь фунтов и пять шиллингов.

Правда, вдобавок к ним какие-то фирмы и отдельные романтики приплюсовали три ящика джема и восемьдесят дюжин бутылок пива, но человека, решившего завоевать для империи не только полюс, но и целый материк, – это уже не утешало.

«И все же самый жестокий удар ожидал тебя не в Южной Африке, а в Австралии, – безжалостно напомнил себе Скотт, в очередной раз пытаясь погрузиться в спасительный сон. – Когда, после прибытия в гавань Мельбурна, тебе вручили телеграмму, присланную даже не самим Руалом, а его братом Леоном Амундсеном. Это была предельно лаконичная весточка, смысл которой способен был сразить наповал любого полярника. „Имею честь сообщить, – говорилось в ней, – что „Фрам“ направляется в Антарктику. Амундсен“».

«То есть как это в Антарктику?! – разъяренно метался он

тогда по набережной. – Какого дьявола он забыл здесь?! Как это возможно: объявлять всему цивилизованному миру о намерении идти к Северному полюсу, а самому втихомолку готовиться к походу к берегам Антарктиды?! Зная при этом, что туда уже направляется экспедиция англичан?!»

Какие только чувства ни бурлили тогда в его душе: ярость, презрение, высокомерная снисходительность, страх перед тем, что все приготовления, все усилия могут оказаться напрасными, если Норвежец обойдет его на пути к полюсу...

Правда, где-то в глубине сознания еще теплилась надежда, что это «заявление Амундсена» – то ли чья-то злая шутка, то ли некий пропагандистский демарш кого-то из норвежцев. Только поэтому уже на следующее утро Скотт телеграфировал Нансену, с просьбой прояснить ситуацию. Он решительно отказывался понимать логику исследователя, который, будучи прекрасно осведомленным о походе к Южному полюсу своего коллеги, решается устраивать некие гибельные антарктические гонки, подобные тем, что описаны в рассказах Джека Лондона. И доводил это до сведения Нансена, призывая его, таким образом, в посредники и арбитры.

Однако ответ Нансена оказался убийственно лаконичным – ему об этой экспедиции Амундсена ничего не известно. Скотт конечно же не поверил ему, но это уже ничего не меняло. Да и что, собственно, он хотел «услышать» от этого человека, никогда особенно не симпатизировавшего ни лично ему, ни Британии?

...Ну а снились ему в эту ночь зеленые холмы Претории, на одном из которых встречала его божественно красивая женщина с распущенными на ветру волосами. Вот только, поднимаясь на этот холм, Роберт явственно ощущал, как ноги его свинцово уходят в землю под какой-то наваливавшейся на него тяжестью. И столь же явственно осознавал при этом, что до заветной вершины, до её прекрасной хранительницы, добраться он так никогда и не сможет, ибо не суждено...

В лабиринтах снежных «морских полей» они блуждали весь последующий день и почти всю ночь, и только под утро каким-то чудом оказались на относительно «чистой» воде, усеянной мелким ледово-снежным крошевом. Как только офицеры убедились в этом, Скотт приказал поднять паруса и идти строго на юг. При этом природа словно бы приветствовала его решение, потому что около девяти утра показалось, пусть все еще по-антарктически холодное, зато по-южному яркое, ослепительное солнце.

Обрадовавшись ему, полярники начали набирать в ведра забортную воду и прямо на палубе устроили себе омовение, прибегая к помощи специально для морской воды изготовленного мыла. Поддавшись этому банному психозу, Скотт, по совету лейтенанта Бауэрсса, который совершал подобные омовения чуть ли не каждый день, не обращая при этом внимания на погоду, и с его помощью, тоже устроил себе полярную баньку в одном из палубных закутков.

— Кто еще из землян может позволить себе в этот новогодний день, посреди антарктического лета, устраивать подобные купели? — подбадривал его этот, невесть когда и каким образом закалившийся худощавый, рыжеволосый коротышка, добывая для командира очередную порцию забортной воды.

– Вы сказали: «новогоднюю»?

– Сегодня первое января, сэр. Мы не чтим этот день так, как принято чтить Рождество, тем не менее каждый из нас неминуемо задумывается: «Каким будет этот день для меня, для экспедиции?»

– Полагаю, что для всех нас, на этом арктическом «Ноевом ковчеге» сущих, он будет годом познаний и открытий. Все остальное никакого значения не имеет.

Старательно вытершись полотенцем, капитан заметил проходившего мимо конюха Антона и поинтересовался, как чувствуют себя его подопечные.

– Наверное, они так никогда и не привыкнут к качке, – ответил тот. – Как, впрочем, и я.

– Лейтенант Мирз говорил мне о том, что вы очень тяжело переносите качку.

– Ему приходится видеть мои страдания чаще других, – признал русский¹⁶. – Как и слышать мои молитвы о том, что-

¹⁶ Антон Омельченко (1883–1932). Скотт считал его русским, поскольку Омельченко был подданным Российской империи, на самом же деле по происхождению своему он был украинцем, родом из села Батьки, ныне Полтавской области Украины. После окончания экспедиции Омельченко был награжден английской медалью, а его имя внесено в список Королевского географического общества. Правительство Англии установило для него пожизненную пенсию, которую Антон получал до 1927 года, пока между СССР и Англией существовали дипломатические отношения. В 2001 году, при содействии Украинского Антарктического центра, его внук, Виктор Омельченко, стал участником украинской полярной экспедиции и провел зимовку на украинской антарктической станции им. Вернадского. Камень, привезенный из Антарктиды, внук положил на могилу деда в его родном селе на Полтавщине. Антон Омельченко официально считает-

бы Господь поскорее довел это судно до земной тверди.

— Если это вас хоть немного утешит, Антон, могу по секрету сообщить, что я переносищу качку так же плохо, как и вы. А в бытность мою гардемаринком, морская болезнь настигала меня даже в тихую погоду, при самом малом волнении.

Прихватив с собой по пути лейтенанта Мирзу в качестве переводчика, они спустились на нижнюю палубу, где стояли тринадцать уцелевших лошадок. Между кормушками оставалось пространство, позволявшее конюху наполнять и очищать их. Пока ночи стояли теплые, Антон здесь же, обвернувшись попоной и зарывшись в сено, и ночевал.

Офицеры внимательно осмотрели лошадей, а также само место привязи. Из-за постоянной качки и плохого отдыха, лошади явно сдали, но вины конюха в этом не было. Животные выглядели ухоженными, коновязь содержалась в чистоте. Благодаря лейтенанту Мирзу капитан знал, что уже в тринадцать лет Антон работал на конном заводе где-то на юге России, откуда, вместе с отчимом, отправился на Русско-японскую войну, да так и остался во Владивостоке. Сначала тоже работал конюхом, а со временем, проявив талант наездника, стал лучшим жокеем дальневосточного края. Там, на окраине Владивостока, лейтенант Сесил Мирз и завербовал его для работы в экспедиции.

— То, что, как минимум, год надлежит провести на далекой чужой земле, посреди ледовой пустыни, вас не пугает?

– Немного страшновато, но предчувствую, что ложиться в эту ледовую землю мне не придется¹⁷.

– Считаете, что такое можно предчувствовать?! – удивился Скотт.

Антон проницательно посмотрел в глаза англичанина и, словно бы удивляясь, что капитан не способен на подобное прорицание, пожал плечами:

– Разве вас самих никакие предчувствия не гложут?

– Не гложут. Я не предаюсь предчувствиям.

– Наверное, вы счастливый человек.

Скотт метнул взгляд на Сесила Мирза, но тот сразу же отвел глаза и сделал вид, что всматривается в очертания далекого ледового берега.

– О каких именно предчувствиях ты говоришь, конюх? – довольно сурово поинтересовался Скотт, но тут же почувствовал, что какая-то сила удерживает бывшего лихого наездника от того, чтобы он сказал правду.

¹⁷ Омельченко, очевидно, и в самом деле обладал даром ясновидения. Он уцелел не только в Антарктиде, но и во время Первой мировой войны, а также в годы революции и Гражданской войны в России. А смерть его, по воспоминаниям родных, была мистической: весенним утром 1932 года физически здоровый 49-летний Антон Лукич умылся, надел чистую рубаху и, объявив семейству, что доживает последний день, уселся на крыльцо с газетой в руках. Через несколько минут, перед началом грозы, сошедшая с неба шаровая молния коснулась его плеча, и полярника не стало. Память о нем хранит документальная кинолента «Экспедиция капитана Скотта», которая хранится в Британском Антарктическом центре. В одном из эпизодов Омельченко предстает перед зрителями танцующим в кругу английских полярников украинский народный танец «Гопак».

– Как всякий полярник, вы знаете, о чем следует молиться, господин капитан.

– Мы все молимся, – резко отреагировал Скотт. – Это не ответ.

– Молиться-то мы молимся, но Всевышнему, а следует молиться судьбе, – многозначительно, и в то же время как-то слишком неопределенно, ответил Антон, поглаживая морду ближайшего пони.

Скотт недовольно побряхтел, тоже протянул затянутую в перчатку руку к ближайшей лошадке, но в последнее мгновение брезгливо отдернул её и пошел к трапу, ведущему на верхнюю палубу.

– Ты что, в самом деле способен видеть нечто такое, что изменит судьбу капитана? – нервно спросил Мирз, когда шаги Скотта затихли где-то на верху корабельного трапа.

– Попросил бы Господа, чтобы помиловал нашего капитана, да только боюсь, что это его уже не спасет, – угрюмо произнес Антон, и тут же попросил лейтенанта не передавать этот ответ Скотту.

Сам капитан вспомнил об этом разговоре лишь поздней ночью, когда взялся за дневник. «Оставались на палубе до полуночи, – старательно выводил Скотт, пытаясь принориться к бортовой качке. – Солнце только что зашло за южный горизонт. Зрелище было исключительное. Северное небо роскошно-оранжевого цвета отражалось в морской глубине между льдом, который горел огнями от цвета полиро-

ванной меди до нежного „saumon“; на севере и горы и лед отливали бледно-зеленоватыми тонами, которые переливались в темно-фиолетовые тени, а небо переходило от бледно-зеленых тонов в шафрановый. Мы долго засматривались на эти чудесные цветовые эффекты.

В течение ночи судно пробиралось между льдинами, и утро застало нас почти на краю открытого моря. Мы остановились, чтобы запастись водой с чистенькой бугорчатой льдины, и добыли около восьми тонн воды. Ренник сделал промеры лотом; глубина 1960 морских саженей. Трубка принесла два маленьких куса вулканической лавы с примесями обычного морского глобигеринового ила...»

Отложив дневник, капитан вдруг ощутил явную и, на первый взгляд, совершенно беспричинную тревогу. Его все еще не оставляло ощущение того, что «полярный наездник», как называл он про себя Антона, знает о его будущем нечто такое, чего не дано знать ему. «Неужели ему чудится моя гибель во льдах? – недоверчиво покачал головой Скотт. – Если что-либо и чудится, – успокоил себя капитан, – то это всего лишь полярные миражи. Всего лишь арктические миражи».

Как только, после очередного утреннего купания, капитан Скотт надел свитер, матрос, дежуривший в «вороньем гнезде», неожиданно крикнул:

– Вижу справа по борту вершину горы! Очень похожую на вулкан!

– Это и в самом деле вулкан, сэр, – поспешил к капитану штурман Пеннел. – Перед нами – Эребус, самая высокая из всех известных нам гор Антарктиды.

– Как далеко мы находимся от нее, лейтенант?

– Не менее ста миль, сэр. В подзорную трубу мы можем видеть её только благодаря исключительно чистому воздуху.

– И это уже Антарктида, джентльмены! – объявил Скотт. – Мы почти у цели. В каких-нибудь двадцати милях отсюда нам должен открыться мыс Крозье.

На следующее утро, все такое же солнечное, хотя и по-арктически прохладное, полярники приблизились к закован-ным в ледовые доспехи берегам мыса настолько, что приня-лись промеривать глубины. И были неприятно удивлены, что с приближением к берегу глубины эти не уменьшались, а, наоборот, увеличивались, достигая трехсот десяти – трехсот пятидесяти морских саженей, вместо приемлемых для якор-ной стоянки ста восьмидесяти. К тому же попутный ветер вызывал слишком большие волны, которые запросто могли

уничтожить их китобойную шлюпку, уже подготовленную к спуску.

Когда к вечеру стало ясно, что высадку придется окончательно отложить, Скотт мрачно произнес:

– Ну что ж, господа полярные странники, мысом Крозье, со всеми его выгодами и красотами, придется пожертвовать. Уводите судно на восток, лейтенант Эванс, в сторону вон того Черного острова, – указал он на оголенные прибрежные скалы, резко контрастировавшие своей чернотой на фоне ослепительно-белых льдин, сгрудившихся у их подножия.

Тем временем палубы судна постепенно превращались в лабораторию под открытым небом. Аткинсон и Пеннел тут же принялись чертить план медленно проплывавшего мимо ледового барьера, доводя его до восточной оконечности мыса Крозье; Симпсон, как всегда, усердно возился со своими метеорологическими приборами, а Понтинг метался по палубе, хватаясь то за фотоаппарат, то за кинокамеру.

Обнадеживал своими сообщениями и гидролог Ренник, уже сумевший установить вполне приемлемую для стоянки глубину в сто сорок морских саженей, в то время как биолог Нельсон горячечно добывал образцы донного грунта и замеривал температуру водных глубин. Нервно потирали руки в ожидании высадки на берег физик-канадец Чарльз Райт, внешне медлительный, но пунктуальный геолог Пристли и морской биолог Лилли. Уже в который раз осматривал двигатели своих мотосаней механик Дэй, наобещавший накану-

не дюжину специальных санных экспедиций почти каждому из ученых, словно намерен был распоряжаться этими моторами как своей тягловой собственностью.

«Что ж, – мысленно подытожил Скотт результаты своего осмотра этой „лаборатории“, – можно считать, что исследование самого материка Антарктиды уже началось. Если научная группа и дальше будет работать с таким же рвением, мы получим немыслимое количество данных, на обработку и классификацию которых уйдут потом месяцы цивилизованного бытия».

Когда на воду спустили один из китобойных баркасов, у трапа началось вавилонское столпотворение. Всем вдруг захотелось непременно попасть на «китобоя», у каждого нашлись причины для спешной высадки на берег, каждому хотелось ступить на берег Антарктиды в числе первых. Десантный отряд из шести полярников был сформирован Скоттом довольно быстро: вместе с ним к скалистому берегу должны были отправиться офицеры Уилсон, Тейлор, Пристли, Гриффит и Эванс. Но они еще только рассаживались, когда ротмистр Отс нашел важное для себя решение: он предложил капитану высадить гребную команду матросов, а вместо них посадить за весла офицеров.

И поскольку Скотт возражал слишком неуверенно, ротмистр драгунского полка сам приказал матросам покинуть баркас и вместе с доктором Аткинсоном и помощником зоолога Черри-Гаррардом занял их места за веслами.

Но вскоре оказалось, что все порывы десантников напрасны. Совершив несколько попыток приблизиться к берегу, они вскоре выяснили, что прибрежные скалы и айсберги, а также паковый лед и сильное волнение высадиться на берег им так и не позволят – ледовый барьер оказался неприступным. Словно бы дразня полярников, с вершины огромного ледового валуна за их попытками иронично наблюдал старый, линяющий императорский пингвин, с монаршей снисходительностью прощавший им попытки вторгнуться в его владения.

А тут еще рядом с ним появился молодой пингвиненок, который пока еще терял пух с головы, маленьких крылышек и с груди, завистливо мечтая при этом о «черном смокинге» предка. Молодой пингвин суетно подходил к краю скалы то в одном, то в другом месте и, свысока посматривая на людей, приставал к старому наставнику с вопросами на своем ворчливом пингвиньем языке.

– Взгляните на этого юного отпрыска «императора»! – мгновенно забыл о своих веслах Аткинсон. – Вряд ли кому-либо из ученых приходилось наблюдать молодого пингвина этой породы в таком возрасте и в такой стадии развития. Жаль, что я не могу воскликнуть: «Полцарства за этого пингвина!».

– Крикните: «Полвесла!», – саркастически посоветовал ему экспедиционный остряк Отс, – мы вас пойдем.

Скотт тем временем взвешивал шансы своей команды. Не

составляло никакого труда понять, что на мысе было прекрасное, хорошо защищенное место для экспедиционного дома и вообще для базового лагеря. Лед мог служить источником воды, снежные склоны располагали к лыжным тренировкам, а гладкие каменистые площадки – к приморским прогулкам. Рядом обитали две колонии пингвинов – которые, как и тюлени, могли быть не только объектом исследования, но и дополнительным источником свежего мяса.

Уже вернувшись на судно, капитан записал в своем дневнике: «Отсюда близко к барьеру и к колониям двух видов пингвинов; удобно подниматься на гору Террор, хорошие условия для биологических работ, отличные наблюдационные пункты для всевозможных наблюдений, довольно удобный путь на юг без угрозы быть отрезанными и т. д. и т. п. Очень и очень жаль покидать такое место».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.